

Чудесное явление Креста Господня на Сохотском болоте 29 мая 1423 года, очевидно, связано с передачей преемственности служения от умиравшей Ромейской империи, Второго Рима к начинавшему набирать силу Риму Третьему – Московскому государству. Поэтому уместно обратиться к одной особенности бытования доктрины Третьего Рима в общественной мысли и государственной практике в России.

Когда я учился в аспирантуре Санкт-Петербургского университета в начале 90-х годов прошлого века и изучал труды корифеев русской политической и историософской мысли, я с недоумением обнаружил, что в них практически нет упоминания о доктрине «Москва Третий Рим». Ни у славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, ни у М.Н. Каткова, ни у Н.Я. Данилевского, ни у К.Н. Леонтьева, ни у К.П. Победоносцева, ни у Л.А. Тихомирова, ни у И.А. Ильина. Эта особенность меня, помнится, озадачила тогда. Я размышлял над этим и позже. Тем паче пришлось наблюдать резкий контраст с современной мне эпохой, когда понятие «Третий Рим» прочно вошло в дискурс науки, историософии и актуальной публицистики. Достаточно вспомнить фундаментальную книгу Н.В. Сеницыной, общество «Катехон» философа А.Г. Дугина, историософские труды А.С. Панарина. Не говоря уже о многочисленных научных статьях и докладах, об актуальной публицистике.

В чем же причина? Почему корифеи русской мысли не заметили доктрину «Москва – Третий Рим»? Ведь о концепции начали писать только со второй половины XIX века и не самые крупные величины в русской историографии и историософии: В.С. Иконников (1869), В.Н. Малинин (1901), И.А. Кириллов (1914) и некоторые другие.

На одну из причин указал известный историк, профессор Московской духовной академии И.Д. Беляев (близкий к славянофилам): «В старину иные русские Москву и Россию называли третьим Римом; но это название не привилось. В настоящее время никто из учёных не упо-

требляет этого названия, а народу оно даже совсем не известно. Да и действительно, что общего у православной России с Римом?». То есть доктрина была неприемлема из национальной гордости, да ещё с таким антикатолическим пафосом.

Кстати, и современные критики доктрины «Москва Трерий Рим» используют этот аргумент. Например, довольно популярный ныне геополитик П.А. Гваськов (больше известный по позывному Андрей Девятков) так и пишет, что эта доктрина – изобретение католического Рима, попытка оторвать Россию от Востока и поставить под свой контроль через представителей епископата – выходцев из Малороссии.

Думается, что главная причина забвения всё-таки в другом – в самом содержании доктрины «Москва Третий Рим». Об этом я и хотел бы поразмышлять.

В самой доктрине есть два смысловых пласта.

Во-первых, в ней звучит тема миссианско-великодержавная. Быть Третьим Римом – значит соответствовать тому предназначению, которым и должен быть тот самый Катехон, о котором пророчествовал Апостол Павел во втором послании к Фессалоникийцам. Не случайно старец Филофей в послании к Великому князю Василию III призывает его помнить о заповедях его прадедов и вспоминает – «великого Константина», «блаженного святого Владимира», «великого богоизбранного Ярослава» «и прочие блаженнии святии, ихъж корень и до тебе». В послании содержится также требование к элите быть на высоте нравственного предназначения, а значительная часть послания посвящена обличению мужеложества, которое, надо полагать, было проблемой для тогдашней элиты. Иными словами, коль служение Третьего Рима миссианское, то сам Третий Рим должен соответствовать этой миссии: внутренне и внешне.

Во-вторых, в доктрине звучит тема эсхатологическая. Она видна уже в самой формулировке старца Филофея: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти». Третий Рим – он и последний, четвёртому не быть.

Тут стоит напомнить о том, что еще при жизни старца Филофея (он родился, как предполагают, в середине 60-х годов XV века) Русь пережила острое эсхатологическое время, когда в 1492 году ждали конца времен, ибо существовало множество пророчеств авторитетных святых, что мир будет существовать 7.000 лет, и именно в 1492 году от Рождества Христова это время исполнилось. Переживания были, судя по разным свидетельствам, весьма острыми. Тем паче совсем недавно всего 40 лет назад (точнее даже 39) – пал Второй Рим, Царьград, центр христианской ойкумены.

А в это время, напротив, укреплялось русское государство. Великий князь Иван III Васильевич, принявший от своего великого отца Василия II Васильевича Тёмного власть в целостности со ставшей де-факто независимой Церковью продолжил укреплять государство, объединив почти все русские земли вокруг Москвы, сбросив монгольское иго, издав единый правовой документ «Судебник». А также продемонстрировав политическое преемство, женившись в 1472 году на племяннице последнего Ромейского императора Софье Палеолог. Пути государства и общества в тот момент явно разошлись: общество жило эсхатологическими ощущениями и настроениями, а государство было ориентировано на миссию Руси.

И с тех пор эти два смысла Третьего Рима присутствовали в русской общественной жизни и государственном строительстве.

Тут уместно вспомнить и недавнюю историю – 1992 год, когда исполнилось 7500 лет от сотворения мира. Мы помним острые апокалиптические переживания, усилившиеся на фоне падения казавшейся незыблемой Советской империи, помним массовые тиражи книги С. Фомина «Россия перед Вторым Пришествием», где приводились эти предсказа-

ния о конце мира, помним широко распространённые разговоры, что «мы живём в последние времена». Потом ожидания 1992 года перенесли на год «трех перевернутых шестёрок» 1999-й, завершавший к тому же второе тысячелетие от Рождества Христова. А в этот момент к власти в России приходит Владимир Путин, начинается собрание Державы. Снова общество и власть оказались в диссонансе.

Получается, что государство усвоило в доктрине «Москва Третий Рим» миссианско-великодержавный смысл, а обществу больше по душе оказался эсхатологический.

Осознание себя Третьим Римом, вопреки мнению историка Беляева, никуда не делось, оно реализовывалось в практической политике Русского Царства, Российской Империи и даже временами в Советской империи. А.С. Панарин однажды метко подметил, что государство должно было соответствовать церковному дерзанию об Удерживающем. Иными словами, Удерживающим не могло быть слабое государство, поскольку оно ничего не могло бы удерживать в мире. Вот русские государи и трудились над превращением Руси в Великую Державу, и мыслили свои труды как исполнение божественного замысла о предназначении России. Именно поэтому стало закономерным превращение царства в империю.

Осознав себя Третьим Римом, став Царством при Иване Грозном (1547) и Патриархатом в царствование Феодора Иоанновича (1589), оправившись от смуты при первом Царе Династии Романовых Михаиле Федоровиче (1613-1645), Русское государство стало заявлять о себе как о защитнике православных единоверцев и единокровных славян, находившихся под гнётом Османской империи и подвергавшихся нападениям их вассалов, прежде всего Крымского ханства, а также православных малороссов и белорусов, угнетавшихся католической Речью Посполитой. И, начиная с царствования Алексея Михайловича (1645-1676), это становится одним из главных направлений внешней политики Московского Царства, а затем и Российской Империи.

Это третьеримское служение прекрасно понимали все великие русские Государи и Государыни. Император Петр Великий, принимая титулы Императора, Великого и Отца Отечества после победоносного окончания великой Северной войны счёл нужным объяснить своим сподвижникам смысл его реформ – «чтобы с нами не стало как с империей Греческой». В 1721-м Русский Государь вспоминал события 1453 года, которые всегда держал в уме! Петр пошёл в рискованный Прутский поход именно для того, что освободить православных славян, молдаван и валахов. Какое уж тут «окно в Европу»? Тут совсем о другом.

Императрица Екатерина Великая, не добившись от польской шляхты согласия уравнивать в правах православных с католиками в Речи Посполитой, даже посадив на престол своего любовника Станислава Понятовского (тогдашнего Януковича), вынуждена была пойти на раздел Речи Посполитой, чего поляки нам до сих пор не могут простить. Государыня намеревалась разделить и Османскую Империю, и только безвременная кончина великого Г.А. Потёмкина не позволила ей реализовать этот проект. Император Николай Павлович, превративший Империю в совершенный механизм, едва не поставил под контроль Турцию с проливами. Эту логику понимал и Сталин. Известен его грубоватый, но точный ответ Черчиллю на лукавые рассуждения того о необходимости уважать права католиков в Польше и дружить с папой Римским: «А сколько дивизий у Папы Римского?». Миропорядок утверждается великодержавием, наличием дивизий!

Однако у общественного беспокойства есть и созидательная миссия. Общество, обращаясь к теме миссионерского служения России, Третьего Рима, как бы вынуждает государство вспомнить о своем предназначении. Вот и сегодня, полагаю, как только государство воспримет служение Третьего Рима, рассуждения общества о Третьем Риме уйдут на обочину русской жизни.

Кстати, история Ромейской (Византийской) империи со времени ее восстановления (после страшного погрома крестоносцев в 1204 году) в 1261 году и утверждения у власти династии Палеологов являет нам действие Промысла Божия в истории. Изучая Ромейскую историю эпохи Палеологов, постоянно возникает недоуменный вопрос – как же почти двести лет просуществовало это государство в тех внешних и внутренних условиях, как дотянуло до 1453 года?! Без Промысла Божия никак этого быть не могло. Второму Риму Нужно было дотянуть пока Русь не окрепла и не подготовилась к служению Третьего Рима. В последние годы Ромейской империи, когда она скукожилась до небольшого участка земли вокруг Константинополя, Великий князь Василий Васильевич сумел утвердить модель передачи власти от отца к сыну, победив в «великой замятне» (1425-1453) своего дядю Юрия Дмитриевича и двоюродных братьев Василия и Дмитрия, утвердил вектор на собирание русских земель вокруг Москвы. Претерпев гонения и страдания (вплоть до ослепления), он всё-таки сохранил власть. Больше того, именно Василию Васильевичу мы обязаны недопущением сползания Руси в унию и провозглашением автокефалии Русской Церкви.